АНАСТАСЬЯ.

РАЗСКАЗЪ

ПРИХОДСКАГО СВЯЩЕННИКА

Александра Гумилевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.

Gumilevskii, Aleksandr

АНАСТАСЬЯ.

РАЗСКАЗЪ

ПРИХОДСКАГО СВЯЩЕННИКА

Александра Гумилевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ
ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И К°.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 2 Марта 1862 г.

Ценсоръ *Архимандритъ Фотій.*

I.

ДИМИТРІЙ и АНАСТАСЬЯ.

Приходы сельскіе — обширные приходы. Есть такіе приходы, въ которыхъ деревни отстоятъ отъ погоста верстъ на пятьдесятъ. Много неудобствъ въ этомъ. Православные христіане, удаленные отъ своей приходской церкви, по необходимости лишены бываютъ многихъ христіанскихъ утѣшеній. Родится, напримѣръ, ребенокъ. Ребенокъ - слабый, хилый. Надо поскорѣе окрестить. Что дѣлать? За священникомъ ѣхать далеко; пока ѣдешъ до погоста—ребенокъ умретъ. Приходится крестить тому, кто ближе всѣхъ къ ребенку, а въ первыя минуты ближе всѣхъ, разумѣется, принимающая бабушка. Ей то чаще всѣхъ и приходится исполнять эту высокую обязанность. Грѣха тутъ нѣтъ. *Православная церковь наша,* зная, что безъ крещенія нѣтъ спасенья, *разрѣшаетъ въ случаѣ крайней нужды крестить всѣмъ, и женщинамъ.* Только вотъ бѣда въ чемъ. Иная бабушка, научившись кое-какъ принимать ребенка, не умѣетъ окрестить его по православному. Оттого бываетъ иногда, особенно въ селахъ, что умретъ крещенный бабушкою младенецъ, а священ-

съ роженицами. Иной все сходитъ хорошо; а другой и худо бываетъ,—такъ надо къ худому-то приготовиться.

— Богъ милостивъ! Съ тобой, можетъ статься, худаго не будетъ. Для чего пугать себя?

— Нѣтъ, Митя. Щемитъ у меня сердце. Вѣрно быть бѣдѣ. Надо причаститься.

— Да коли нельзя, такъ какъ же причаститься-то тебѣ? Вѣдь всѣ деревенскіе осудятъ тебя, если ты пойдешь къ причастію.

— Что же мнѣ дѣлать, Митя? Мнѣ страшно хочется причаститься.

— Что дѣлать? толковалъ Митрій въ раздумьи. Развѣ не пойти ль къ о. Василью, да у него поспросить про причастье-то?

— Сходи, Митя, поспроси. Можетъ статься позволитъ о. Василій? Неужто не позволитъ?

Митрій не долго думалъ. Запрегъ своего сивку и поѣхалъ къ о. Василью за спросомъ.

III.

ОТЕЦЪ ВАСИЛІЙ.

Отецъ Василій былъ добрый священникъ. Онъ, что называется, произошелъ всѣ божественныя книги и часто объяснялъ своимъ прихожанамъ, что—какъ надобно дѣлать православнымъ христіанамъ въ разныхъ случаяхъ жизни. Прихожане любили его и всегда обращались къ нему за совѣтомъ. Митрій, пріѣхавъ на погостъ, засталъ о. Василія дома.

— Ну что скажешь, Митрій Ивановичь, хорошенькаго? былъ первый вопросъ, которымъ о. Василій встрѣтилъ Митрія.

— Ничего, батюшка, молвилъ Митрій. Нужда до тебя есть, такъ пришелъ поспрошать, какъ посовѣтуешь.

— Какая же нужда?

— Нужда-то видишь вотъ какая. Пристала ко мнѣ моя Настя и толкуетъ: причаститься нынѣшнимъ постомъ хочу. Я было ее отговаривать, да не беретъ въ толкъ. Вотъ и поѣхалъ къ тебѣ. Какъ прикажешь, такъ и сдѣлаемъ.

— Зачѣмъ же ты ее отговаривалъ отъ причастья? спросилъ о. Василій.

— Вѣстимо за-тѣмъ, что грѣхъ ей теперь причащаться-то. Всего девятый мѣсяцъ идетъ послѣ нашей свадьбы, а вѣдь по нашему до году къ причастью нельзя идти.

— По вашему-то это такъ, сказалъ о. Василій, да по Божьему-то не такъ. Это бабы натолковали вамъ, что нельзя причащаться въ первый годъ послѣ вѣнчанія, а святые-то отцы этого не заповѣдали. Поѣзжай-ка ты лучше домой и скажи-ка ты своей хозяйкѣ, чтобъ она нонеча говѣла и непремѣнно причастилась. Да и всѣмъ деревенскимъ вашимъ скажи это же самое.

— Дай вамъ Богъ много лѣтъ священствовать, сказалъ Митрій. Спасибо за наставленіе. Поѣду, всѣмъ въ деревни скажу.

Митрій съ веселымъ лицемъ вышелъ отъ о. Василья. Ему было чѣмъ обрадовать дорогую свою Настю. Онъ то и дѣло погонялъ сивку. Настасья

съ нетерпѣніемъ ожидала своего мужа и когда онъ повторилъ ей слова о. Василія, слезы брызнули у ней изъ глазъ.

— Спасибо тебѣ, Митя, говорила она, цалуя своего мужа. Утѣшилъ ты меня бѣдную. Теперь я буду совсѣмъ спокойна. Твори Господь волю со мною!

IV.

ДЬЯЧЕКЪ ѲЕДОТЫЧЪ.

Настасья рѣшилась говѣть. Это было на третьей недѣлѣ. Деревенское говѣнье—говѣнье простое: за сорокъ,—пятьдесятъ верстъ не станешь каждый день въ церковь ѣздить къ заутрени, къ часамъ, къ повечерію; далеко. Правду-то сказать,—иному и хотѣлось бы поговѣть вполнѣ по православному цѣлую недѣльку, такъ за дальностію-то никакъ не приходится. Поэтому все говѣнье деревенское въ томъ состоитъ, что говѣльщики не ѣдятъ—не пьютъ рано и не употребляютъ съ пищею постнаго масла. Рыбы православный человѣкъ не прикасается цѣлый постъ, а не то что во время говѣнья. Настаетъ пятница и говѣльщики отправляются на погостъ въ церковь. Вечеромъ исповѣдаются, а въ субботу утромъ причастятся, да и домой. Вотъ и все говѣнье. Настасьѣ хотѣлось поговѣть не такъ. Мысль о смерти все страшила ее и она рѣшилась хоть въ послѣдній разъ отговѣть по надлежащему: всѣ церковныя службы выходить. Митрій отговаривалъ ее отъ этого, указывая на другихъ; но Настасья стояла на своемъ. Дѣлать было нечего. Митрій согласился на прось-

бы жены и отправился съ Настасьей на погостъ въ субботу предъ средокрестною недѣлею. Въ погостѣ они остановились у дьячка Ѳедотыча, съ которымъ были въ кумовствѣ. Ѳедотычъ былъ такъ гостепріименъ, что предложилъ Митрію остаться у него цѣлую недѣлю, пока отговѣетъ Настасья. Митрій было отговариваться и тутъ, но Настасья остановила его.

— Экой ты право, Митя, спѣсивой, говорила она. Отговариваешься, а гдѣ жь намъ и остановиться-то, какъ не у Ѳедотыча? Вѣдь кумъ, такъ все-таки свой, а не чужой.

— Такъ, такъ, Настасьюшка, подтвердилъ Ѳедотычъ. Пробери-ка его за спѣсь. Вишь баринъ какой. Изба моя нечто не изба. Да этакой избы и у барина нѣтъ.

Ѳедотычъ любилъ иногда пошутить. Такъ и тутъ. Избенка его была премаленькая-престаренькая, а онъ выставлялъ ее лучше барскихъ хоромъ. Забавникъ былъ этотъ Ѳедотычъ. Бывало послѣ утрени соберутся къ нему крестьяне посидѣть—погрѣться до обѣдни, а онъ достанетъ какую-либо смѣшную книжку, да и читаетъ имъ. Мнѣ разсказывала одна изъ крестьянокъ, бывшая у Ѳедотыча, презабавное про него дѣло.

„Пришли мы, толковала она, разъ этакъ послѣ утрени. Сидимъ у Ѳедотыча. Кто о чемъ рѣчь ведетъ. Вдругъ Ѳедотычъ полѣзъ въ сундукъ и вытащилъ оттуда какую-то сѣрую книжечку.

— Прочитать вамъ про одну мышь и про другую мышь? спросилъ насъ Ѳедотычъ, показывая книжку.

— Вѣстимо прочитай, отвѣчали мы.

Ѳедотычъ нюхнулъ въ одну ноздрю, нюхнулъ въ другую, кашлянулъ и началъ онъ это намъ читать, какъ одна мышь попала въ мышеловку и сидитъ тамъ. Подходитъ это къ ней другая мышка и видитъ, что та ѣстъ говядину.—Дай-ка мнѣ кусочекъ, кума, говоритъ другая-то мышь. — „Поди, сама возьми, отвѣчаетъ первая мышка.“ — „А гдѣ пройти?“ — „Да въ ворота иди.“ Вошла другая мышка въ мышеловку и бросилась на говядину. Мышеловка захлопнулась и обѣ мышки попались въ плѣнъ.

„Не жадничай,“ прибавилъ Ѳедотычъ, и снова нюхнулъ табаку.

Впрочемъ надо и то сказать, что не всегда Ѳедотычъ такія книжки читалъ. Какой на него бывало часъ найдетъ: то бывало читаетъ онъ что-нибудь забавное; а чаще прочитываетъ что-нибудь изъ божественныхъ книгъ.

На другой день, въ Воскресенье послѣ заутрени къ Ѳедотычу собралось крестьянъ человѣкъ до двадцати. Въ избенкѣ тѣснота. Кто сидѣлъ на лавочкѣ, кто на полу, а кто и такъ стоялъ. Разговоры шли обыкновенные деревенскіе. Мужчины толковали о томъ, кто сколько дровъ навозилъ, а женщины о томъ, которая сколько холста наткала. Ѳедотычъ, войдя въ избу, прервалъ общую бесѣду.

— Полно вамъ воду-то толочь, сказалъ онъ своимъ гостямъ. Постъ, а они Богъ знаетъ о чемъ толкуютъ. Не любо не слушай, а лгать не мѣшай,—такъ что-ли?

— Ты все насъ осуждаешь, Степанъ Ѳедотычъ, молвилъ дядя Панкратъ, сидѣвшій у стула, а чтò бы взять книгу Божественную да почитать намъ; мы и перестали бы переливать изъ пустаго въ порожнее.

— А нечто и не почитаю, неучи вы этакіе, продолжалъ Ѳедотычъ съ сердцемъ. Почитаю, да только слушать, уши не развѣшивать: а то читать никогда не стану.

— Ну полно серчать-то, говорилъ дядя Панкратъ. Видно, что-нибудь не такъ вышло въ церкви, о. Василій побранилъ, такъ на насъ вымещаешь топереча.

— Все о. Василій, да о. Василій! ворчалъ Ѳедотычъ. Эка невидаль какая! Что онъ мнѣ сдѣлаетъ? Ровно ничего. Вишь „*кресту Твоему*“ сразнилъ не много, такъ и ну меня учить. Ты-де пѣть не умѣешь, ты учись пѣть, а не то благочинному скажу. Что мнѣ благочинный? Пѣть не умѣю! Да самого поучу....

Ѳедотычъ долго еще толковалъ въ этомъ родѣ. Любилъ онъ посердиться подъ часъ, когда не въ духѣ былъ. Кое-какъ его задобрили наконецъ гости и упросили почитать.

— Что вамъ почитать-то сегодня? сказалъ онъ поуспокоившись.

— Да вотъ про крестъ хоть почитай намъ. Для чего выносили его въ церкви нонѣ на заутрени?

— Это значитъ *Синаксарь* вамъ надо прочитать. Слыхали вы про Синаксарь?

— Гдѣ намъ слыхать-то, толковали крестьяне. Мы люди темные. Грамоты не умѣемъ. Куда-жъ намъ до такой премудрости? Растолкуешь, такъ можетъ статься уразумѣемъ.

— Синаксарь, видите вы, по Тріоди Постной полагается на каждую недѣлю.

— А Тріодь-то что? спросили слушатели.

— Да церковная книга, въ которой постная служба написана. Въ этой-то книгѣ и Синаксарь. Не съумѣю это я вамъ растолковать, какъ все это по-русски, а только скажу, что въ синаксарѣ-то описывается какъ, что, почему дѣлается въ посту. Вотъ возьмемъ хоть нонѣшній синаксарь. Видѣли вы, что въ церкви крестъ выносили сегодня на середину церкви, а въ синаксарѣ описано, для чего его выносили. Поняли теперь, что такое синаксарь?

— Кажись, что поняли. Это значитъ сказаніе такое, гдѣ про крестъ пишется.

— Такъ, да не такъ. Не все про крестъ пишется, а только про то, для чего его выносятъ сегодня. Ну да вотъ я прочитаю, такъ сами увидите.

Ѳедотычъ сталъ читать синаксарь. Читалъ онъ внятно, раздѣльно; но замѣтно было, что слушатели его не понимали. Славянская рѣчь не всегда вразумительна для крестьянъ. Ѳедотычъ, надо правду сказать, и самъ-то не все разумѣлъ, что читалъ; но не хотѣлъ этого показать предъ крестьянами.

— Поняли? спросилъ онъ, кончивъ чтеніе.

— Не все, родимый, поняли-то, возразила старуха Степанида, занимавшаяся бабничаньемъ по деревни. Лучше растолкуй-ка ты намъ это по своему, по нашему.

Растолкуй, — будто легко растолковать? Тутъ вѣдь такая премудрость, которую и о. Василій не раскуситъ; а я вотъ-такъ растолкую. Еще учитъ меня... Самъ-то учился бы...

Ѳедотычъ опять нахмурился, вспомнивъ про замѣчаніе священника,—но не на долго.

— Полно-ти, Степанъ Ѳедотычъ, вспоминать о. Василія, заговорилъ опять дядя Панкратъ. Вѣдь онъ добрый у насъ священникъ. Нелюбое слово сказалъ тебѣ, такъ вѣрно ужъ не отъ сердца, а такъ просто для порядка видно службы. Знамо съ него спрашиваютъ про пѣнье, а онъ съ тебя. Въ эвтихъ дѣлахъ-то вѣдь всяко случается... О. Василійономнясь самъ намъ сказывалъ, что эвтакова дьячка, какъ ты, пожалуй и въ Питерѣ не скоро найдешь.

Ѳедотычъ съ самодовольствіемъ пріосанился. Видно было, что ему пріятна была такая похвала отъ священника. Лицо его стало поприветнѣе.

— Такъ ты, Степанида, не выразумѣла, что я читалъ. Просишь растолковать. Ладно. Слушайте-же. Всякое Воскресенье по церковному называется *недѣлею*. По просту-то правда недѣлею у насъ называется всякая седмица, а въ церкви-то *седмицею* называются всѣ семь дней, вмѣстѣ взятые, а *недѣлею* одно Воскресенье, это видите оттого, что въ Воскресенье нельзя работать, *нельзя дѣлать* ничего тяжелаго, работнаго. — Всякой недѣлѣ есть свое прозваніе. Нонѣшнее воскресенье называется

средокрестною недѣлею. Это такъ потому, что оно какъ разъ въ половинѣ приходится поста и что въ это воскресенье крестъ выносится.

— Половина-то, кажись, не приходится, Степанъ Ѳедотычъ, возразилъ дядя Панкратъ, который славился по приходу книжнымъ знаніемъ.

— Какъ не приходится?

— Да такъ, Степанъ Ѳедотычъ, не приходится. Ну-ка считай, сколько недѣль въ великомъ-то посту?

— Шесть безъ малаго.

— Не́что мы не знаемъ, что семь.

— Не морочь насъ, Степанъ Ѳедотычъ. Право слово—семь недѣль.

— То-то и есть, что не семь, а шесть безъ двухъ денъ. Ты братъ, дядя Панкратъ, хотя и много книгъ читалъ, а до этой премудрости видно еще не дочитался. Великой постъ-то по церковному полагается *сорокъ дней.* Это потому, что І. Христосъ послѣ крещенія постился въ пустынѣ сорокъ дней. Оттого-то по церковному этотъ постъ называется *святою четыредесятницею,* т. е. четыредесять, или сорокъ дней продолжающимся постомъ. Выходитъ же сорокъ этихъ дней такимъ способомъ. Отъ чистаго̀ понедѣльника идетъ собственно, что называется, *великій постъ* и продолжается до пятницы шестой недѣли. Въ пятницу же на шестой недѣлѣ великій собственно постъ оканчивается, отчего и поемъ мы въ этотъ день въ церкви: *душеполезную совершивше четыредесятницу.* Такъ и въ старину это считалось. Бывало, что св. подвижники уходили на весь великій постъ въ пустыню и тамъ

проводили сорокъ дней въ постѣ и молитвѣ; а къ пятницѣ шестой недѣли возвращались изъ пустыни въ обители монастырскія. Такъ оно и теперь считается. Съ пятницы же шестой недѣли Православная церковь начинаетъ праздновать тѣ событія, которыя были предъ самыми страданіями Христовыми: *Лазарево воскресенье, Вербное воскресенье,* и потомъ уже самыя *страсти Христовы.* Все это *праздники печальные,* оттого въ эти праздники полагается тоже поститься, какъ и въ другіе печальные праздники, напр. *въ Воздвиженье, въ Усѣкновеніе главы Предтечевой.* Поняли теперь, что середина св. четыредесятницы, великаго поста, значитъ какъ разъ почти приходится нонѣшній день?

— Вотъ оно что, замѣтилъ дядя Панкратъ. Мы вѣдь этакихъ вещей прежде не слыхивали. Теперь-то оно и взабыль выходитъ такъ, что середина-то поста нонѣ.

— По церковному такъ и считается. Но все еще я не растолковалъ вамъ, для чего крестъ-то выносится именно сегодня. Теперь и это скажу, а вы смѣкайте. Сначала, какъ начинаешь что-нибудь дѣлать, дѣло-то намъ кажется легко. Въ путь напр. пойдешь. Первый-то путь идешь себѣ ничего. Силы-то еще свѣжія, крѣпкія. Усталости еще нѣтъ. Идешь себѣ да идешь впередъ. На серединѣ же дороги усталость беретъ, и иногда такъ устаешь, что хоть назадъ ворочайся. Тутъ ужъ по неволѣ надо остановиться, отдохнуть, съ силами собраться. Ладно еще, какъ есть гдѣ отдохнуть; а коли идешь напр. лѣтомъ. Солнышко печетъ. Жара страшная. Потъ льетъ градомъ. По

сторонамъ ни деревца, ни деревни. Хотѣлось бы куда-нибудь спрятаться отъ солнопека, да подъ чѣмъ укрыться. Сядешь на дорогѣ; солнышко все-таки печетъ. Хотѣлось бы напиться,—воды ни росинки. Въ этомъ случаѣ бѣда. Весь измучишься, а пожалуй и не моgота возьметъ, захвораешь. Не такъ ли братцы?

— Подлинно такъ, Степанъ Ѳедотычъ, подтвердилъ дядя Панкратъ. Позапрошлымъ лѣтомъ я самъ испыталъ это самое, когда въ Питеръ ходилъ. Еле не умеръ на дорогѣ.

— Оно и всегда такъ. Середина-то пути самое тяжелое мѣсто, не то, что начало, да пожалуй не то, что и конецъ. Вѣдь и подъ-конецъ путь легче становится. Про это ужъ я самъ знаю. Въ Питеръ иногда случалось ходить и мнѣ лѣтомъ за своими ребятишками въ училище. Деньжонки-то, какіе есть, возьмешь съ собой, а въ Питеръ-то все наровишь пѣшкомъ. Лучше, думаешь, ужъ оттуда подводу возьму. Ребятенки-то въ училищѣ замучены, заморены ученьемъ, такъ ужъ-де ихъ прокачу; а самъ-то еще кое-какъ добреду до Питера пѣшкомъ, копейку сберегу на подводу. Такъ-то и идешь. Устанешь, а какъ только взойдешь на Пулковскую гору что подъ Питеромъ, какъ завидишь самый Питеръ-то, такъ словно силъ прибавится. Идешь себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Куда усталость дѣвается. Правда вѣдь это?

— Правда, правда, Степанъ Ѳедотычъ.

— Такъ оно и съ постомъ. Сначала, какъ начинаешь постъ, какъ-то все еще чувствуешь себя хорошо, душа крѣпка, не унываешь; подъ конецъ

поста—тоже. Свѣтлый праздникъ, думаешь, скоро, веселье впереди, радость этакая,—тоже не унываешь. Середина же поста — самое трудное время, особенно для того, кто постится, какъ слѣдуетъ по православному. Нашъ-то постъ что? Только слава, что постъ. Не ѣшь говядины, молока, рыбы, а на капусту навалишь, да на рѣдьку, ѣшь вдоволь,—пьешь,—когда хочешь, водочки иногда хватишь, — отъ грѣха не остерегаешься, также и пересуживаешь и обижаешь, и сердишься, о беззаконіяхъ своихъ мало сокрушаешься,—такъ оно и не замѣтно, что постъ. А вѣдь въ старину-то не только, что въ пищѣ воздерживались, а и отъ грѣховъ удерживались отъ всяческихъ, что сами не съѣдали, то бѣднымъ людямъ отдавали, о грѣхахъ своихъ паче всего плакали и сокрушались. Такимъ-то истиннымъ постникамъ середина великаго поста дѣйствительно приходилась трудна. Св. Отцы знали это и потому положили съ середины поста поддерживать, укрѣплять, утѣшать постящихся примѣрами подвижничества и терпѣнія. Въ самую же середину поста они постановили представлять для поклоненія постящимся св. крестъ. Смотрите, дескать, православные христіане. Вы теперь утомляетесь постомъ, унываете. Не унывайте. Вотъ вамъ въ утѣшеніе и ободреніе — св. крестъ. Это святое древо, мертвыхъ дѣлающее живыми, передъ вами. Кто ослабѣлъ, — подкрѣпляйся лобзаніемъ его. Посереди рая стояло дерево жизни, которое давало такіе плоды, что, поѣвши ихъ, нечего было бояться смерти. У насъ свое древо жизни — св. крестъ, которое въ состояніи подкрѣпить

слабаго и усладить горечь поста, подобно тому дереву, которое услаждало горькую воду для Евреевъ въ пустынѣ.

— Какое же это было дерево? спросилъ Митрій.

— Ты, братъ Митрій, видно не знаешь св. исторіи, замѣтилъ Ѳедотычъ. Учился бы ты съ малолѣтства у о. Василья въ училищѣ, такъ вѣрно теперь не спросилъ бы объ этомъ. Это видишь какой былъ случай. Евреи ходили по пустынѣ. Въ пустынѣ воды не скоро найдешь. Евреямъ нечего стало пить, а пить хочется. Нашли они наконецъ гдѣ-то источникъ воды, обрадовались, но опять бѣда. Вода въ источникѣ была горькая. Не утерпѣли Евреи и съ досады стали роптать на Пророка Моисея, который велъ ихъ по пустынѣ. Моисей сталъ молиться Богу и Богъ велѣлъ ему бросить въ источникъ кусокъ одного дерева. Бросилъ Моисей это дерево въ горькую воду и стала вода чистою, вкусною, годною для питья. Какое это было, дерево, я не знаю, но знаю только, что мѣсто, гдѣ это было, называлось по тамошнему *Меррою*. Вотъ этому дереву — подобно и наше древо креста. Оно тоже можетъ усладить постъ для того, кто съ вѣрою будетъ смотрѣть на крестное древо, какъ то дерево усладило воду въ Меррѣ во время сорокалѣтняго странствованія Евреевъ по пустынѣ. Не стану вамъ всего этого разсказывать, какъ оно въ синаксартѣ то значится. Не поймете. Просто скажу, что св. отцы смотрѣли на постящихся въ великомъ посту, какъ на путниковъ въ пустыни. Идутъ путники въ пустынѣ, зной палитъ ихъ, утомились они, хочется отдохнуть, и вотъ посерединѣ пустыни находятъ они дерево. Дерево

широко раскинуло свои вѣтьви, покрытыя листьями; подъ деревомъ густая тѣнь; путники скрываются подъ деревомъ и отдыхаютъ. Мы проходимъ постъ, какъ пустыню, утомляемся, жаждемъ, душу палитъ похотливый зной, устаемъ и вотъ посерединѣ поста св. отцы поставили предъ нами древо креста, подъ тѣнiю котораго мы можемъ отдохнуть отъ пути постнаго и укрыться отъ зноя нашихъ похотей. Всякая похоть по-неволѣ остынетъ, какъ посмотришь на крестъ, какъ посмотришь на Христа распятаго, который за наши похоти столько потерпѣлъ страданiй. Не такъ ли кумушка, спросилъ подъ конецъ Ѳедотычъ Настасью, которая съ какою-то особенною жадностiю слушала толкованiя Ѳедотыча.

— Ахъ, такъ, истинно такъ, Степанъ Ѳедотычъ, отвѣчала Настасья. Правду тебѣ скажу, что какъ взялъ это о. Василiй давеча крестъ на голову, понесъ его изъ алтаря, а ты на клиросѣ запѣлъ: *„Святый Боже“* заунывно, жалобно, точно по покойникѣ, такъ у меня все сердечко надорвалось. Покажись мнѣ, что это на Христа наложили крестъ, что Онъ бѣдный несетъ, мучается, падаетъ подъ крестомъ, что приводятъ Его наконецъ на какую-то гору, кладутъ крестъ на землю, а на крестъ — Христа нашего, подходятъ къ нему люди страшные, злые, вколачиваютъ ему въ руки и въ ноги гвозди большiе, желѣзные, кровь брызжетъ изъ ранъ, а Онъ ни словечка не молвитъ, не жалуется — терпитъ сердечный, — покажись все это мнѣ, словно во снѣ въ какомъ, бухъ я наземь, слезы ручьемъ полились, лежу и молюсь: прости Ты меня, Го-

споди, грѣшницу окаянную! Прогнѣвила я Тебя, Спаса нашего! За мои-то Ты грѣхи лютые такъ мучаешься! за мои-то грѣхи тяжкіе распинаешься! Охъ, помилуй Ты меня, Спасъ милостивый! Охъ, прости Ты мнѣ мои грѣхи тяжкіе! Намъ ли то грѣшнымъ поста не снести, коли Ты, Праведный Господи, такія муки вытерпѣлъ!..“ Такъ-то я лежала и молилась. Земь-то всю слезами залила и легче стало на душѣ, словно камень какой отвалился отъ сердца.

Всѣ молча слушали слова Настасьи. Женщины плакали; у мужчинъ тоже слезы дрожали на глазахъ. Самъ Ѳедотычъ, на что былъ крѣпкій человѣкъ, тотъ не утерпѣлъ, слезу проронилъ; но все хотѣлъ казаться крѣпкимъ. Словно будто грѣхъ плакать тамъ, гдѣ плакать хочется.

— Полно однакожь плакать-то, сказалъ наконецъ Ѳедотычъ. Скоро обѣдня. Пойдемъ-те-ка въ церковь Богу помолиться, кресту поклониться.

Женщины утерли слезы рукавами. Всѣ встали и отправились въ церковь.

V.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ГОВѢНЬЕ.

Деревянная погостская церковь была очень бѣдна. Построенная лѣтъ двѣсти назадъ, она такъ была ветха, что стѣны подперты были деревянными столбами. Внутри бѣдность ужасная. Иконостасъ простой, весь почернѣвшій отъ давности. Образа темныя такъ, что лики св. угодниковъ едва можно было разобрать. На престолѣ и на жертвенникѣ

одежды полинялыя, всѣ въ заплатахъ. Поди у иной барыни на служанкѣ платье въ тысячу разъ лучше, а тутъ на престолѣ Божіемъ одѣяніе такое, что жалость беретъ. У священника ризы были не лучше. Кажись они были штофныя, но такія тоже полинялыя, потемнѣлыя, рудныя, что и сказать нельзя. Причтъ и прихожане не разъ сѣтовали на бѣдность своей церкви, но помочь горю было нечѣмъ. На прихожанахъ лежали большіе оброки, которые они едва могли выплатить.

Обѣдня скоро началась. О. Василій всегда начиналъ ее въ девять часовъ утра, рѣдко позже. Развѣ когда принесутъ крестинъ много, такъ бывало въ десять начнетъ. Зато ужъ какъ служилъ о. Василій эту обѣдню, такъ дай Богъ, чтобъ и въ городѣ ее такъ служили. Ризы-то на немъ были неказисты, но самъ-то онъ такимъ лѣпоподобнымъ становился во время обѣдни, что невольно приводилъ въ умиленіе всѣхъ. Читалъ онъ всѣ слова нараспѣвъ, громко,—на паперти было слышно. Отъ престола бывало не отойдетъ во время обѣдни. Крестится всегда, какъ слѣдуетъ, а не то что рукой махаетъ. Поученье всегда сказывалъ. Не мудритъ бывало. Вынесутъ ему налой, выдетъ, перекрестится и начнетъ сказывать просто, безъ прикрасъ, а всегда дѣло скажетъ. Замѣтитъ напр., что крестьяне пили много въ храмовой праздникъ, онъ въ слѣдующее воскресенье и начнетъ говорить имъ что не слѣдуетъ напиваться провославнымъ христіанамъ. „Въ прошедшій праздникъ, скажетъ онъ, ходилъ я у васъ по домамъ со святомъ и видѣлъ, что многіе изъ васъ пьяны были. Не хорошо это, право-

славные христіане. Праздникъ Божій надо свято проводить, а вы только бѣса потѣшаете. Перестаньте пьянствовать. Пьяница—погибшій человѣкъ. Тѣло губитъ, душу губитъ. *Пьяницы царствія Божія наслѣдити не могутъ*, сказано въ Писаніи. а не могутъ оттого, что никогда не могутъ сдѣлаться путными, честными, добрыми православными христіанами. Отъ вина одинъ шагъ до блуда. Про это и св. Апостолъ говоритъ: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ.* Пьяница срамословитъ, дерется, буянитъ, жену и дѣтей изъ дома гоняетъ. Что онъ за христіанинъ? У пьяницы никогда добро въ дому не водится, а все по кабакамъ расходится. Не упивайтеся же виномъ, православные христіане. Умоляю васъ о томъ, а то со святомъ въ праздникъ не приду къ тѣмъ, которые меня не будутъ слушать." Скажетъ бывало такъ, и замолчитъ. Прихожане послушаютъ, подумаютъ, потолкуютъ, да глядишь и дѣлаютъ то, что онъ велитъ. Зато и любили его прихожане. Сами въ бѣдности жили, а о. Василья никогда не забывали. Кто бывало холста соткетъ, половинку дастъ о. Василію; пиво сварятъ, и о. Василію подарятъ ведёрочко; хлѣбецъ съ поля уберутъ, сѣна покосятъ, дровъ позапасутъ себѣ, и о. Василью снесутъ и хлѣбца и сѣнца, и дровецъ привезутъ. Подступаетъ, бывало, праздникъ св. Пасхи: кто съ яичками, кто съ пасхою, кто съ масельцомъ придетъ къ о. Василью. „Вотъ тебѣ, нашъ батюшка, на праздничекъ. Прими, благослови." Лѣтомъ въ работахъ всегда готова была помочь о. Василію. И жилъ о. Василій, никому не завидовалъ. Сосѣдніе священники уди-

влялись, какъ это онъ живетъ хорошо въ такомъ бѣдномъ приходѣ; а онъ имъ твердилъ только одно: *ищите прежде царствія Божія и пра ды Его, и сія вся приложатся вамъ.*

О. Василій отслужилъ обѣдню и, замѣтивъ, что Настасья была въ церкви, позвалъ ее черезъ Ѳедотыча къ себѣ въ домъ вмѣстѣ съ Митріемъ. Настасья пришла.

— Что? Собралась вѣрно поговѣть, что пріѣхала сегодня? спросилъ о. Василій.

— Какъ же не поговѣть-то, батюшка. Вѣдь теперь всѣ православные говѣютъ, а мнѣ-то и подавно слѣдуетъ говѣть. Беременна, неравно что случится, умрешь безъ покаянія.

— Такъ, Настасьюшка. А твой Митрій было отговаривать тебя? Экой лихой человѣкъ. Наслушался бабъ, да и тебя съ толку хочетъ сбить. Ладно, говѣй-ка съ Богомъ! Да вы куда пристали-то?

— Къ Степану Ѳедотычу. Кумъ вѣдь. Такъ къ нему и пристали.

— То-то; а то пожалуй и у меня можно бы пристать. Беременной-то вѣдь покой нуженъ.

О. Василій долго еще толковалъ съ Настасьей и совѣтовалъ ей не утомлять себя слишкомъ постною службою.

— Устанешь—посидѣть можешь, говорилъ онъ. Голодомъ не мори себя. Ты больной человѣкъ: не снесешъ того, что здоровый снесетъ. Беременной то женщинѣ въ случаѣ крайности и скоромъ разрѣшается, если не говѣетъ.

Такая душевная доброта о. Василья глубоко запала на сердце Настасьи. Она въ первый разъ

видѣла участливость къ своему положенію въ стороннемъ человѣкѣ. До сихъ поръ одинъ Митрій облегчалъ ее во всемъ, а деревенскіе почти всѣ требовали отъ нея того же, что и отъ здоровой, такъ что, когда одинъ разъ въ церкви ее смутило и она присѣла на скамейку, такъ надъ ней смѣялись, какъ надъ изнѣженной барыней.

Вечеромъ Настасья отправилась къ вечернѣ и за тѣмъ ходила ко всѣмъ службамъ, каждый день. Правда иногда она утомлялась, но рада была, что могла слышать всѣ службы церковныя въ посту. Надобно отдать честь о. Василію. Въ сосѣднихъ погостахъ службу въ великомъ посту правили только по средамъ, пятницамъ, субботамъ и воскресеньямъ, а у о. Василія служба совершалась каждый день, по уставу церковному.

Я не стану здѣсь описывать всего говѣнья и всѣхъ службъ великопостныхъ. Они извѣстны. Скажу только, что о. Василій за каждою службою поучалъ прихожанъ, какъ они должны говѣть, какъ поститься, какъ поклоны класть, какъ молиться, какъ грѣхи свои лучше напоминать себѣ. Эти поученія много способствовали тому, что прихожане его открытѣе, свободнѣе, искреннѣе исповѣдывались предъ нимъ, а этого-то онъ только и хотѣлъ. Пришла пятница. Надо исповѣдь начать. Въ послѣдній разъ о. Василій обратился къ своимъ говѣльщикамъ съ наставленіемъ.

„Отговѣли вы, братіе, говорилъ онъ. Возблагодарите же Господа и съ христіанскимъ сокрушеніемъ приступите теперь къ св. исповѣди. Исповѣдь для насъ—второе крещеніе. Въ первомъ кре-

щеніи мы омываемся отъ грѣховъ водою, а во второмъ крещеніи— мы омываемся отъ грѣховъ слезами. Обливайся же слезами тотъ, кто не Богу служилъ, а чреву своему,—объѣдался, упивался; плачь тотъ, кто именемъ Божіимъ всуе клялся; плачь тотъ, кто въ праздники Господни работой занимался; плачь тотъ, кто отцу-матери не покарялся; плачь тотъ, кто блуду студному предавался; плачь тотъ, кто матернымъ словомъ ругался; плачь тотъ, кто скверными пѣснями потѣшался; плачь тотъ, кто чужимъ добромъ наживался; плачь тотъ, кто въ клеветѣ, пересудахъ, сплетничаньѣ упражнялся; плачь тотъ, кто въ душѣ своей грѣху соуслаждался. Плачь всякій о всякомъ грѣхѣ своемъ. Обиды простите; вражду оставьте. За милостью къ Богу пришли, такъ будьте-жъ сами милостивы. *Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ*, а *судъ безъ милости не сотворившему милости*, говоритъ Слово Божіе“.

„Къ исповѣди чинно приступайте, а не такъ, какъ доселѣ приступали иногда. Не люблю я вашей толкотни и шума при исповѣди. Кто помнитъ, что предъ Бога идетъ, тотъ не станетъ толкаться къ исповѣди. Идите въ порядкѣ. Малолѣтки сначала; за тѣмъ больные и старики; за стариками—женщины; за женщинами—мужчины. Слабому уступай крѣпкій. Придете къ налою, крестъ Христовъ увидите,—сотворите предъ нимъ земное поклоненіе единожды и затѣмъ ужъ начинайте исповѣдать грѣхи ваши. Ничего не скрывайте. Богъ все знаетъ, а отъ васъ требуетъ только чистосердечнаго признанія во грѣхахъ вашихъ, Когда вы

исповѣдаете предо мною всѣ согрѣшенія ваши, тогда станьте на колѣни, преклоните ваши головы, сложите руки ваши крестъ на крестъ на груди и пусть каждый изъ васъ скажетъ мнѣ отъ глубины души: *прости меня, отче святый, и благослови, согрѣшихъ душею и тѣломъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, и всѣми моими чувствами душевными и тѣлесными*. Прочитаю я надъ вами молитву и проститъ вамъ Господь грѣхи ваши, если вы искренно раскаетесь въ нихъ и впередъ не станете повторять ихъ“.

После этого о. Василій прочиталъ своимъ говѣльщикамъ молитвы предъ исповѣдью и сталъ исповѣдывать. Исповѣдывалъ онъ не спѣшно: съ каждымъ потолкуетъ, каждому дастъ совѣтъ, каждаго наставитъ на путь истинный. Порядокъ при исповѣди крестьяне дѣйствительно соблюли и Настасьѣ не долго пришлось ждать своей очереди. Какъ беременную, — ее пропустили къ исповѣди сряду послѣ ребятъ.

Исповѣдь кончилась. О. Василій прочиталъ правило, молитвы на сонъ грядущимъ и отпустилъ исповѣдниковъ,—которыхъ было человѣкъ до ста,— по домамъ.

VI.

ПРИЧАЩЕНІЕ.

Утромъ слабый звонъ погостскаго колокола разбудилъ говѣльщиковъ къ утрени. Принарядились они въ праздничные наряды и отправились въ церковь. На этотъ разъ церковь была освѣщена. Каждый говѣльщикъ, по православному обычаю, ста-

вилъ свѣчу предъ иконою, и эти зажженныя свѣчи придали бѣдной церкви праздничный видъ. Скоро пришелъ о. Василій и началъ заутреню. Заутреня шла обычнымъ порядкомъ. Послѣ заутрени о. Василій прочиталъ исповѣдникамъ молитвы ко причащенію и опять обратился къ своимъ прихожанамъ съ особеннымъ поученіемъ вотъ по какому случаю.

Въ сосѣднемъ приходѣ, на первой недѣлѣ поста, во время причащенія, одинъ крестьянинъ, подойдя къ св. чашѣ, отъ усердія перекрестился и совсѣмъ было вышибъ св. чашу изъ рукъ священника. Наканунѣ о. Василій услышалъ объ этомъ отъ пріѣхавшаго изъ сосѣдняго прихода крестьянина и, опасаясь подобной неосторожности отъ своихъ прихожанъ, рѣшился сказать имъ поученіе о томъ, какъ они должны по внѣшности держать себя во время причащенія.

„Страшное было дѣло, началъ онъ, случилось въ сосѣднемъ приходѣ нынѣшнимъ постомъ: одинъ причастникъ розлилъ было святое причастіе, перекрестившись предъ св. чашею,—а все изъ-за неумѣстнаго усердія этого причастника. Боюсь и я, люди православные, чтобъ со мной не случилось этого; а потому хочу васъ научить тому, какъ надобно приступать къ св. причастію. Не свои я буду толковать вамъ правила, а церковныя, написанныя вотъ въ этой книгѣ, именуемой *Служебникомъ*, по которой я службу отправляю. Вы же выслушайте эти правила и непремѣнно исполняйте ихъ всегда при св. причастіи.

„Въ началѣ обѣдни, когда соберетесь всѣ въ церковь, станьте каждый на своемъ мѣстѣ, стойте съ благоговѣніемъ и слушайте все, что читается и поется въ церкви. Когда наступитъ время св. причащенія, откроются царскія двери, выду я къ вамъ съ св. причастіемъ и скажу: *со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите*, тогда всѣ сотворите земной поклонъ Христу Богу, истинно во св. Тайнахъ сущему. За тѣмъ я стану говорить вамъ слова, положенныя предъ причащеніемъ, а вы повторяйте за мною каждое слово, громко, въ слухъ. Скажу: *вѣрую Господи*,—вы за мною говорите: *вѣрую Господи*, скажу: *и исповѣдую*, вы повторяйте: *и исповѣдую*, и такъ повторяйте каждое слово за мною. Кончу всѣ слова, тогда начинайте приступать къ св. причастію одинъ по одному, — не обгоняйте другъ друга, а одинъ за другимъ идите чинно, въ порядкѣ. Сначала пусть идутъ малолѣтки, потомъ— больные, потомъ — старики, потомъ — женщины и послѣ всѣхъ мужчины. Приступайте же каждый вотъ какъ. Взойди одинъ на эту ступень, перекрестись, положи одинъ земной поклонъ, потомъ встань, сложи руки свои на груди крестъ на крестъ, подойди къ св. чашѣ, скажи мнѣ свое имя громко и открой ротъ, какъ можешъ открыть только. Не удивляйтесь, что я и ротъ даже велю открыть; это не напрасно. Такъ по уставу положено, и положено не безъ мысли, не безъ цѣли. Видали вы, какъ кормитъ птица дѣтей своихъ или птенцовъ? Она когда подлетитъ къ гнѣзду своему съ пищею, птенцы тотчасъ разѣваютъ свои маленькіе ротики и жалобно просятъ пищи; такъ и вы, какъ только

подойдете къ св. чашѣ и скажете свое имя, тотчасъ откройте свои уста для принятія той святой пищи, которую подаетъ вамъ матерь ваша — церковь православная. Креститься предъ самою св чашею никто не смѣй, а держи руки сложенными крестъ на крестъ. Когда я вложу св. Тайны въ уста, тогда каждый честно разжуй, проглоти ихъ; потомъ когда я утру ротъ твой покровцемъ, поцѣлуй на чашѣ не образокъ, который есть на ней, — не руку мою, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, а самый верхній край св. чаши, какъ бы самое ребро Христово, изъ котораго истекла кровь и вода. Облобызавши край св. чаши, опять не смѣй креститься, а все съ тѣми же сложенными крестообразно руками отойди къ образу и тутъ передъ образомъ сотвори поясной поклонъ. Земнаго поклона никто не смѣй дѣлать послѣ причастія, а твори только малый поклонъ для охраненія святыхъ Таинъ и въ знакъ благоговѣнія предъ ними. Тогда ли намъ падать на землю, когда Самого Христа въ себя приняли?... Сотворивши поклонъ, поди къ столу, вкуси антидору, запей виномъ съ водою, которыя тамъ поставлены и, до вкушенія этой теплоты съ антидоромъ, не смѣй плюнуть, а лучше если удержишься отъ плюновенія до-послѣ-обѣда. Наконецъ встань на свое прежнее мѣсто, выслушай благодарственныя молитвы по св. причащеніи и, приложившись къ св. кресту, съ миромъ иди въ домъ. Весь тотъ день да будетъ для тебя святымъ празднественнымъ днемъ, въ который удержи себя отъ всякаго грѣха.“

Эти правила, по видимому, слишкомъ уже простыя, но совершенно необходимыя, о. Василій въ

послѣдствіи постоянно сообщалъ своимъ прихожанамъ.

Но вернемся къ нашему разсказу. О. Василій отслужилъ потомъ обѣдню и за обѣднею причастилъ своихъ прихожанъ. Причастники не забыли наставленій своего пастыря и вели себя такъ, какъ онъ говорилъ имъ. Какъ было бы хорошо, если бы и всѣ вели себя во время причастія такъ же! Какъ много установилось бы у насъ тогда порядка и благоговѣнія въ церквахъ! А такъ ли это у насъ, православные люди? Далеко, далеко не такъ. Поступайте же такъ хоть впередъ-то, добрые люди.

Настасья причащалась съ особеннымъ благоговѣніемъ. Никогда она не чувствовала такой радости на душѣ, какъ въ ту минуту, когда приняла въ себя св. Тайны. Слезы струились изъ глазъ ея.

— Господи милостивый! думала она про себя. Ужели въ послѣдній разъ сподобляешь Ты меня такой святой небесной радости? Но будь святая воля Твоя!

Обѣдня кончилась. Митрій съ Настасьей вернулись въ домъ Ѳедотыча. Про Митрія я и забылъ сказать, что онъ тоже говѣлъ и причащался. Мнѣ думается, что вы и сами догадались объ этомъ. Могъ ли Митрій не говѣть въ то время, когда говѣла дорогая его Настя?

VII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.

Ѳедотыча еще не было дома. Онъ остался въ церкви считать деньги и кружку дѣлить. Жена

Ѳедотыча поздравила говѣльщиковъ съ причастіемъ и стала собирать на столъ для гостей своихъ.

— Напрасно, Анна Кузьминишна, изволишь безпокоиться, сказалъ Митрій. Мы вѣдь въ дорогу хотимъ собраться съ нашими, съ деревенскими.

— Не ѣвши-то? возразила съ удивленіемъ Кузьминишна. Да не что вы осерчали на насъ, что такъ спѣсивитесь? Полно, полно Митрій Иванычь. Вотъ позакусите-ка нашей хлѣба-соли, а потомъ сосните маленько, да и съ Богомъ.

— Ну ужъ опочивать-то не станемъ, какъ угодно не станемъ, Анна Кузьминишна, замѣтила Настасья. Отъ хлѣба-соли грѣхъ отказаться, а опочивать-то ужъ некогда. Домой надо спѣшить.

— Безъ опочиванья нельзя, Настасьюшка. Послѣ причастія соснуть надо, непремѣнно надо. Ужъ законъ такой.

— И въ забыль, Настя, нельзя безъ опочиванья, подтвердилъ Митрій.

— Отчего нельзя? спросила Настасья.

— Грѣхъ, Настасьюшка, не спать послѣ св. Таинъ. Поспишь, грѣха не сотворишь, твердила Кузьминишна.

Настасьѣ стало скучно, что ей нельзя ѣхать домой. Ей поскорѣе хотѣлось добраться до дому, а тутъ новая помѣха — обычай, законъ. Въ раздумьи она сидѣла у окошка и смотрѣла, какъ другіе разъѣзжались по домамъ.

— Что пригорюнилась, дорогая гостья? спросилъ громко Ѳедотычъ, войдя въ избу. Соскучилась вѣрно у насъ?

— Не соскучилась, Степанъ Өедотычъ, да вотъ то скучно, что ѣхать-то намъ не скоро приходится.

— Для чего не скоро?

— Да говорятъ, что пообѣдать надо, а пообѣдавши отдохнуть. Проспишь, а тамъ глядь и вечеръ, смеркаться станетъ.

— Пообѣдать надо. Не отпущу такъ. А спать-то какъ хотите. Хотите—спите, не хотите—не спите. Грѣха нѣтъ.

— Какъ грѣха нѣтъ? Анна-то Кузьминишна толкуетъ, что грѣхъ не спать послѣ причастья.

— Нашли кого слушать! Баба моя вретъ, а вы слушаете. Прошлымъ постомъ Панкратиха тоже толковала о. Василью, что непремѣнно надо спать послѣ причастья; такъ онъ ей епитимью наложилъ за это. „Ты, говоритъ, мало что сама съ толку сбилась, такъ и другихъ сбиваешь. Клади по десяти поклоновъ каждый день.“ И по дѣломъ. Не толкуй о томъ, чего не разумѣешь. Спать-то пожалуй спи послѣ причастья, коли усталъ, — спать хочется; да въ законъ-то этого не ставь всѣмъ.

— Такъ значитъ намъ можно будетъ ѣхать послѣ обѣда сряду, Степанъ Өедотычъ? спросила обрадованная Настасья.

— Съ Богомъ! Поѣзжайте. Держать не стану, коли домой хочется.

Обѣдъ былъ готовъ. Всѣ сѣли за столъ, на которомъ ради причастниковъ Кузьминишна и рыбки поставила. Өедотычъ было опять нахмурился, завидѣвши рыбу, но смолчалъ. „Для причастниковъде, думалъ онъ, а не для меня.“

Послѣ обѣда Митрій запрегъ свою сивку, поблагодарилъ кума за хлѣбъ-соль и отправился съ Настасьей домой.

VIII.

РОДИНЫ И КРЕСТИНЫ.

Прошла недѣля; прошла другая. Настала наконецъ страстная седмица. У Настасьи еще никого не было. Къ концу страстной ей однакожъ стало тяжелѣй и видимо было, что ей пришла пора родить. Митрій побѣжалъ за Степанидой, которая, какъ я уже сказывалъ, занималась бабничаньемъ по деревни. Степанида была уже старуха. Съ молоду она вышла за-мужъ; но скоро овдовѣла и стала бабничать. Она не то чтобы училась этому дѣлу, какъ слѣдуетъ, а занималась имъ такъ, потому что выгоду находила въ этомъ. Позвали ее сначала къ Панкратихѣ, когда та рожала; Панкратихѣ хорошо сошло; позвали къ другой, къ третьей — ладно, съ рукъ сошло и прослыла Степанида по деревни „бабушкой съ легкой рукой.“ Крестьянки обращались къ ней съ полнымъ довѣріемъ и надобно сказать правду: Степанида исполняла свое дѣло удачно. Ни одинъ изъ ея пріемышей не умиралъ. Къ ней-то и побѣжалъ Митрій, когда запримѣтилъ, что Настѣ трудно стало. Степанида жила на концѣ деревни. Митрій прибѣжалъ къ ней не много испуганный.

— Что Митрій Иванычъ? спросила Степанида. Видно твоей-то тяжело стало, что за мною пожаловать изволилъ?

— Да, Степанида Савишна. Охать что-то начала моя Настя, такъ я ужъ поскорѣе къ тебѣ. Не откажи, помоги.

— Помогу, Митрій Иванычъ. Ужъ не впервые мнѣ этакое дѣло. Пойдемъ поскорѣе.

Степанида скоро собралась. Вмѣстѣ съ Митріемъ она пришла въ избу, въ которой сидѣла Настасья. Больная охала.

— Полно, полно, Настасьюшка, охать, сказала Степанида, войдя въ избу и помолившись предъ св. иконами. Авось, Богъ дастъ, скоро все пройдетъ.

Настасьѣ становилось тяжелѣе. Степанида уложила ее на кровать и хлопотала о разныхъ вещахъ, необходимыхъ при рожденіи. Прошла ночь. Больная страдала, а родовъ не было. Это удивило Степаниду.

— Что за притча такая? толковала она Митрію. Отродясь я не видала такого случая. Наши деревенскія такъ скоро рожаютъ, а твоя, ужъ Богъ знаетъ, какъ мучается. Съѣздилъ бы ты Митрій Иванычъ на погостъ, да попросилъ бы о. Василія *царскія двери открыть*. Тогда легче станетъ Настѣ-то...

Напуганный Митрій все готовъ былъ сдѣлать. Какъ только напомнила Степанида о царскихъ дверяхъ, онъ тотчасъ же запрегъ своего сивку и поѣхалъ на погостъ.

Счастье было этому Митрію. Онъ опять засталъ о. Василья дома.

— Ну что, Митрій Иванычь? спросилъ о. Василій, когда тотъ пришелъ къ нему. Вѣрно на крестины пріѣхалъ звать?

— Нѣтъ, батюшка. Крестить-то еще некого. Не родила моя Настя, а только мучается, да такъ бѣдная мучается, что и сказать нельзя. Степанида, на что ужъ бывалая въ этакихъ дѣлахъ, и та толкуетъ, что отродясь не видала такихъ тяжелыхъ родовъ. Наше-то дѣло мужицкое: не понимаемъ, а Степанида-то ужъ знаетъ это. Она-то и прислала меня къ тебѣ, батюшка. „Поди, говоритъ, Митрій, съѣзди къ о. Василью, попроси его царскія двери открыть.“ Я вотъ и поѣхалъ къ тебѣ. Помоги, батюшка! Отвори царскія двери.

— Это для чего? спросилъ о. Василій.

— Да для того, чтобъ легче родила Настасья-то. Степанида толковала мнѣ, что какъ только отворятъ царскія двери, такъ и родится ребенокъ тотчасъ.

— Эхъ, Митрій, Митрій. Все ты бабъ слушаешься. Не ладно, братъ, это. Ну разсуди самъ, хорошо ли, благопристойно ли открывать царскія двери для всякаго дѣла? Вѣдь царскія двери—святыя двери, которыя по уставу-то указано отворять только за службами церковными, и то не всегда; а бабы-то хотятъ, чтобы для нихъ открывали царскія двери во всякое время. Нѣтъ, Митрій, не смѣю я этого сдѣлать. Не подобаетъ.

Митрій, вѣрившій Степанидѣ больше священника, бросился въ ноги о. Василію и со слезами просилъ его отворить царскія двери.

— Батюшка! говорилъ онъ. Не погуби ты мою Настю! Посмотрѣлъ бы ты какъ мучается она бѣдная: и стонетъ-то, и охаетъ, и Богу-то молится, и святыхъ-то призываетъ, а все нѣтъ легче. Помоги, родимый батюшка. Облегчись, отвори царскія двери.

Слезы Митрія тронули о. Василія. Онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать. Отворить царскія двери значило поступить противъ правила церковнаго; не отворить—значило огорчить бѣднаго Митрія. Серце внушило ему рѣшиться на первое.

— Ну, Митрій. сказалъ онъ. Богъ съ тобою. Жаль мнѣ тебя. Беру грѣхъ на душу: отворю. Пойдемъ въ церковь.

О. Василій пошелъ въ церковь съ Митріемъ и открылъ царскія двери. У Митрія словно гора съ плечь. Помолился онъ Богу, поблагодарилъ о. Василія и поскорѣе поѣхалъ домой.

Пусть онъ доколѣ ѣдетъ; а мы посмотримъ, что было съ о. Василіемъ. Добрый пастырь, увлеченный порывомъ христіанскаго сострадания, исполнилъ желаніе скорбящаго мужа; но послѣ сталъ разсуждать самъ съ собою: что-жь это въ самомъ дѣлѣ за повѣрье такое? Откуда оно? Порылся онъ въ книгахъ церковныхъ: нѣтъ ли дескать тамъ какого правила на этотъ случай? Ничего не нашелъ. Св. отцы не заповѣдали такого обычая, который, надобно сказать правду, хоть и показываетъ вѣру народную, да ужъ какъ-то не совсѣмъ благоприличенъ. Долго думалъ о. Василій о началѣ этого обычая и порѣшилъ спросить у Ѳедотыча: „Ѳедотычь-де часто толкуетъ съ деревенскими начетчи-

ками; такъ ужъ онъ вѣрно что-нибудь знаетъ про это!“ думалъ о. Василій. И точно не ошибся. Лишь только о. Василій разсказалъ Ѳедотычу въ чемъ дѣло, тотъ прямо объяснилъ происхожденіе обычая.

— Это просто, батюшка, — сказалъ Ѳедотычъ, деревенскія бабы придумали. Слышали они въ церкви слова задостойника: *ложесна бо твоя престолъ сотвори*,—да каждая и стала думать о себѣ, Богъ вѣсть, что. У нихъ всегда такъ.

Задумался о. Василій надъ объясненіемъ Ѳедотыча. Грустно стало ему, какъ подумалъ, кого слушаютъ простые люди въ дѣлахъ вѣры? Бабъ и бабъ. Не даромъ же св. Апостолъ заповѣдалъ *беречься бабіихъ басенъ.*

Открытіе царскихъ дверей не помогло однакожь Настасьѣ. Она мучилась еще сутки и родила наконецъ слабаго преслабаго младенца. Степанида, увидавшая еле-дышавшаго малютку, совсѣмъ потерялась.

— Ахти, мои матушки! кричала она въ суетахъ. Еле живенькой! Страсти просто смотрѣть. Митрій Ивановичь! поѣзжай-ка ты во всю мочь опять къ о. Василію, проси поскорѣе окрестить сынка-то. Умретъ вѣдь пожалуй, сгинетъ душа ангельская! Поѣзжай, поскорѣе поѣзжай.

Митрій опять на коня. Загналъ онъ своего бѣднаго сивку; но, какъ увидимъ, напрасно. Едва онъ выѣхалъ за околицу, какъ ребенокъ сталъ пищать слабѣе да слабѣе, тише да тише. Какъ ни измучена была Настасья, но она смѣкнула, что дѣло плохо.

— Ахъ, Степанида Савишна! проговорила она слабымъ голосомъ бабкѣ своей. Что-то не по-доброму кричитъ мой ребенокъ? Не умеръ бы онъ некрещеный.

— Нишни, Настасья, пробормотала Савишна, прислушиваясь къ замиравшему голосу ребенка. Хрипитъ въ горлышкѣ. Добру не быть! Не окрестить ли ужъ мнѣ его самой? Вишь и пѣночка-то у рта показалася.

— Господи помилуй! Господи помилуй! молилась Настасья.

Степанида все прислушивалась. Въ первый разъ принимала она замиравшаго ребенка; но какое-то женское природное чутье предсказывало ей, что пріемышъ ея — не долгій жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Она терла ему темечко. Ребенокъ какъ будто оживалъ, глаза открывалъ, а потомъ опять закроетъ глазки, захрипитъ, захрипитъ, словно захлебывается.

— Нѣтъ, Настасья! сказала наконецъ Степанида. Вини ты не вини меня, а ужъ, какъ хошь, я окрещу твоего ребенка. Не дожить ему до о. Василья. Умретъ.

Слова старухи были жестки, холодны, хотя и нельзя сказать, чтобы Степанида не отъ сердца говорила ихъ. Видно привычка къ рожаницамъ сдѣлала то, что самое задушевное слово ея словно камень тяжелый ложилось на сердце. Огрубѣла знать.

— Окрещу, сама окрещу, сказала наконецъ твердымъ голосомъ Степанида, замѣтивши, что пѣ-

на снова зашипѣла на губахъ у ребенка. Говори, Настасья, какъ назвать ребенка-то?

— Ваней! произнесла въ отчаяніи мать и частыя всхлипыванья заглушили ея голосъ.

Степанида спокойно достала деревянную чашку съ полки, взяла богоявленской воды съ божницы, налила въ чашку и приступила къ крестинамъ. У Настасьи она сняла крестъ съ шеи, перекрестила имъ ребенка съ головы до ногъ, надѣла на шею малюткѣ, потомъ зачерпнувъ рукою воды изъ чашки, облила водою крестообразно все тѣло ребенка и прочитала: *крещается рабъ Божій Иванъ; Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ*, а за тѣмъ: *Отче нашъ*.

Ребенокъ всхрипнулъ послѣдній разъ и духъ вонъ.

— Слава Тебѣ, Господи, что успѣлая окрестить! громко проговорила Степанида. Прими ты, Господи, душу ангельскую.

Слова Степаниды, какъ вострый ножъ, рѣзали сердце Настасьи. Старуха не думала объ этомъ. Она такъ довольна была собою, что ей какъ будто и дѣла не было до несчастной матери. Подъ конецъ она однакожь одумалась и вспомнила о Настасьѣ.

— Ну, Настасья, сказала она матери. Благодари Создателя, что не безъ крещенія еще умеръ твой Ванюша.

Настасья рыдала. По временамъ вырывались у ней изъ груди не связныя слова: „Ваня! Митя! гдѣ вы родные мои! О-о-охти мнѣ горемычной!“

Степанида утѣшала ее, но могли ли облегчить ее утѣшенія сухой, безсердечной старухи?...

IX.

ПРІѢЗДЪ СВЯЩЕННИКА.

Часовъ черезъ восемь пріѣхалъ о. Василій съ Митріемъ и Ѳедотычемъ. Спѣшно вошли они въ избу и первое слово о. Василья было объ ребенкѣ.

— Что маленькой-то? спросилъ онъ у Степаниды.

— Умеръ, Богу душу отдалъ, отвѣчала съ какимъ-то холоднымъ состраданіемъ Степанида.

— Безъ крещенья?

— Нѣтъ,—окрестить-то я ужъ сама его окрестила богоявленскою водою, продолжала Степанида. Нельзя было. Такой щедушный былъ, все пищалъ, хрипѣлъ, ну я и стала крестить его. Ваней назвала. Такъ Настасьѣ захотѣлось. Только что я окрестила, онъ тутъ же и душеньку Богу отдалъ. Вымыла я его, перекрестила и положила подъ кутъ. Ангельская душа! прибавила Степанида.

Митрій стоялъ словно ошеломленный. Всѣ надежды его въ прахъ разлетѣлись. Онъ подошелъ къ *своему Ванюшѣ*; поцѣловалъ его и долго, долго смотрѣлъ на него. На глазахъ — ни слезинки; на устахъ—ни словечка. Точно и самъ Митрій замеръ со своимъ Ванюшей. Долго онъ такъ стоялъ. Не знаю, какъ вамъ это покажется, православные люди, а мнѣ такъ думается, что Митрій не хорошо тутъ поступилъ. Онъ все о Ванюшѣ своемъ тосковалъ, ему все жалко было своего Ванюши, а

о Настасьѣ-то онъ и забылъ совсѣмъ. Настасьи какъ будто не было для него; а она бѣдная лежала тутъ же на кровати и хоть страдала вдвое, глядя и на умершаго своего сына и на Митрія, но не охала, чтобъ своимъ оханьемъ еще больше не огорчить Митрія. Такъ видно всегда у людей бываетъ. Себя мы всегда любимъ больше всѣхъ на свѣтѣ, а вѣдь Христосъ-то велѣлъ и другаго, ближняго-то своего, любить какъ себя, особенно же такого ближняго, какъ жена. Кто ближе жены на свѣтѣ? Никто. Отца съ матерью человѣкъ оставляетъ для жены. О. Василій, молча смотрѣвшій на Митрія, напомнилъ наконецъ ему о Настасьѣ.

— Полно же, Митрій Ивановичъ, такъ сѣтовать, сказалъ о. Василій. Мертваго не воскресишь; а ты объ живой-то подумалъ бы. Настасью ты вовсе забылъ; а ей-то вѣдь поди скорбнѣе твоего.

Митрій опомнился, подошелъ къ кровати и, припавши къ головѣ Настасьи, проговорилъ наконецъ.

— Охъ, Настя, Настя! Правду ты говорила, что не дастъ намъ Богъ порадоваться нашимъ дѣтищемъ.

Бѣдная Настасья сама же должна была утѣшать Митрія, а вѣдь по настоящему-то Митрію надобно бы было утѣшать ее. Правду вѣрно говорится, женская любовь лучше мужской. Женщина-то хоть и слабѣе мужчины, да ужъ умѣетъ любить крѣпче мужчины. Себя скорѣе забудетъ, а ужъ любимаго мужа не забудетъ никогда. Такова-то Настасья была. Сердце у ней было такое доб-

рое, что она забыла теперь про свою скорбь и помнила только о томъ ,что Митѣ скорбно.

— Перестань, Митя, кручиниться, говорила она слабымъ голосомъ мужу своему. Божье, видно, было дѣтище, а не наше. Къ Богу и пошло оно. Ванюшѣ лучше на томъ свѣтѣ, чѣмъ намъ съ тобою на семъ свѣтѣ. Ангельская душа — къ ангеламъ небеснымъ улетѣла—молиться за насъ. Скорбно бы было, кабы не успѣли окрестить Ванюшу, а то вѣдь все сдѣлали, что надо. Степанида и крестикъ мой надѣла на Ванюшу, словно я и кумомъ была.

Мало по малу всѣ наконецъ поуспокоились и начались толки о томъ, какъ бы и когда похоронить Ванюшу.

— Сегодня и похоронить, замѣтилъ о. Василій. Свѣтлый праздникъ скоро, такъ не оставлять же покойника на свѣтлый день. Самимъ тяжело будетъ смотрѣть. Такъ сегодня и похоронимъ. Ты, братъ, Митрій Иванычь, поди-ка сколоти теперь гробикъ, уложимъ мы Ванюшу въ гробикъ, и свеземъ нонѣ на погостъ.

Несчастный Митрій былъ послушенъ, какъ ребенокъ. Взялъ онъ топоръ, пошелъ на дворъ, досталъ тамъ старую доску, обтесалъ ее, какъ могъ, разрубилъ-распилилъ и сколотилъ кое-какъ гробикъ. Тяжела была для него эта работа. И въ самомъ-то дѣлѣ, легко ли самому отцу работать гробъ своему сынку, о которомъ столько думъ было передумано Митріемъ. Митрій принесъ гробикъ. Ванюшу поднесли проститься къ Настасьѣ. Поцѣловала это она, да такъ крѣпко заплакала, зарыдала,

что съ ней и всѣ заплакали. Уложили Ванюшу въ гробикъ и о. Василій сталъ собираться домой.

— Ну, Митрій Иванычъ, сказалъ онъ хозяину. Дѣлать нечего, собирайся опять въ путь. Повеземъ на погостъ твоего Ванюшу.

Сборы Митріевы были не долги. Онъ и не раздѣвался, какъ пріѣхалъ. Сивка тоже запряженный стоялъ. О. Василій прочиталъ молитву Настасьѣ, благословилъ ее и хотѣлъ уже выдти изъ избы; да вспомнилъ, что еще не спросилъ у Степаниды, какъ она окрестила ребенка. Священнику-то вѣдь нужно знать это. Крещенье—такое святое таинство, что коли одно слово не доскажешь, какъ слѣдуетъ по заповѣди Христовой, такъ и крещенье не въ крещенье. Оно ничего, какъ бабка-то знающая, обученная; та ужъ знаетъ это; а какъ попадется иногда простая деревенская женщина, такъ та принять-то пожалуй приметъ и слабаго ребенка, а окрестить-то не съумѣетъ по православному и окреститъ по своему бабьему толку. Глядишь, ребенка-то и отпѣвать нельзя, какъ отпѣваютъ всякаго крещенаго человѣка. Со Степанидой еще не случалось этакого дѣла; у ней, какъ я уже прежде сказывалъ, пріемыши всѣ въ живѣ оставались; такъ о. Василью-то и нужно было спросить Степаниду, какъ она окрестила Ванюшу.

— Я и забылъ совсѣмъ, Савишна, сказалъ о. Василій, спросить тебя про крестины-то. Какъ ты окрестила Ванюшу?

— Да такъ просто окрестила, какъ умѣла, отвѣчала Савишна. Взяла я чашечку деревянную, налила богоявленской водицы, перекрестила я три

раза ребеночка крестикомъ, что у Настасьи взяла съ шеи, надѣла ему крестикъ на шейку, водицей полила и сказала: *крещается рабъ Божій Иванъ.* Имячко-то такое сама Настьсья велѣла дать.

— И только? Больше ничего не читала? спросилъ священникъ.

— Нѣтъ, прочитала. Какъ не прочитать? Молитвы прочитала: *Святый Боже* да *Отче нашъ.*

— А еще ничего не говорила?

— Что еще говорить-то? Кажись больше ужъ нéчего было и говорить.

О. Василій поблѣднѣлъ немного. Пришло ему на умъ, что Степанида не такъ окрестила ребенка, да все еще ему не хотѣлось вѣрить этому. Онъ еще разъ рѣшился переспросить Степаниду, какъ она крестила. Савишна снова повторила то, что она и прежде говорила.

— А *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* — произносила ты, когда водой поливала? спросилъ о. Василій.

— Нѣтъ, отвѣчала спокойно Степанида. Не въ догадь мнѣ это было. Всего-то вѣдь со страху не припомнишь

— Несчастная! сказалъ о. Василій, весь поблѣднѣвшій. Ты на вѣки сгубила душу человѣческую! Крестины твои не въ крестины Ванюшѣ!...

О. Василій забылся. Ему не слѣдовало говорить такъ при несчастныхъ родителяхъ, особенно при Настасьѣ, но онъ такъ былъ испуганъ поступкомъ Степаниды, что не помнилъ, передъ кѣмъ онъ говорилъ. Тяжелый стонъ Настасьи вывелъ его

изъ забывчивости. Онъ понялъ оплошность, быстро подошелъ къ кровати и старался загладить свою вину предъ Настасьей.

— Прости меня, Настасьюшка, говорилъ онъ ей. Глупая баба и меня-то съ-ума свела. Забылся я. Прости. Не горюй. Видно Богу угодно было посѣтить тебя такимъ несчастіемъ. Я и самъ-то виноватъ. Мнѣ бы тогда же, когда пріѣзжалъ Митрій просить царскія двери открыть,—тогда бы и ѣхать мнѣ къ тебѣ; да вѣдь и на умъ не пришло, что можетъ случиться этакое несчастіе. Прости меня. Самъ-то себѣ не прощу я этого никогда.

Настасья казалась покойною. Она любила духовнаго отца и ей не хотѣлось огорчать его, какъ и Митрія. Она не плакала, не стонала больше, не жаловалась; но заглянули бы, добрые люди, въ ея душу. Чтó тамъ-то вытерпливала она? Бѣдная Настасья! За что Господь судилъ тебѣ испытать столько горестей?

О. Василій, думая, что успокоилъ Настасью, всталъ и еще разъ благословилъ ее. Пора была спѣшить домой. Служба ждала. На прощаньи онъ подозвалъ къ себѣ Степаниду.

— Богъ тебѣ судья, Савишна! сказалъ онъ ей. Столько лѣтъ ты бабничаешь, а до сихъ поръ не научилась тому, что тебѣ надо непремѣнно знать. Чтó бы тебѣ ко мнѣ когда придти и спросить: какъ де, батюшка, надо поступать, когда ребенокъ слабенькой родится? Такъ нѣтъ; сама-де до всего дойду. Вотъ тебѣ и дошла, — сгубила душу младенческую.

Страшное несчастье, упреки совѣсти, слова священника — пробили наконецъ сердце старухи, не привыкшей жалобиться. Она заплакала.

— Охти мнѣ, грѣшницѣ! говорила она. Какой грѣхъ-то я на душу приняла. Прости меня, родимый ты мой батюшка, наложи епитимью. Замоли ты мой грѣхъ душепагубный.

— Что епитимья? Какая тебѣ епитимья? толковалъ о. Василій. Лучше дѣло твое исправляй, какъ слѣдуетъ. Взялась за бабничанье, такъ и узнавай, какъ-что надо бабкѣ дѣлать. Запомни слово мое. Статься можетъ тебѣ и въ другой разъ случится этакое несчастье видѣть, такъ вотъ ты какъ поступай. Возьми ребеночка-кто паслабенькаго, налей въ чашку богоявленской водицы, а нѣтъ богоявленской, такъ и простой налей, и поливай рукою водицы на головку ребенка трижды. Польешь разъ, скажи: *крещается рабъ Божій такой-то во имя Отца, аминь;* польешь другой, — скажи: *и Сына, аминь;* польешь третій, — скажи: *и Святаго Духа, аминь.* Вотъ когда такъ окрестишь, это крещеніе будетъ истинно-христіанское, какое заповѣдалъ намъ Христосъ. Больше ни слова не говори. Сама-то станешь крестить, а за мной все-таки пошли. Успѣю пріѣхать къ живому, такъ мνромъ святымъ помажу твоего крестника; а не успѣю, —такъ ужъ буди на то воля Божія. Крестникъ твой все-таки будетъ крещеный человѣкъ; а теперь-то что ты надѣлала? Какой страшный грѣхъ сотворила? Страсти сказать.

Степанида обѣщалась все исполнять впередъ, по слову священника. Надо было однакожь ѣхать

о. Василью. Онъ вышелъ изъ избы, за нимъ Ѳедотычъ, за Ѳедотычемъ Митрій съ гробикомъ въ рукахъ. Настасья передъ выносомъ еще разъ простилась съ Ванюшей и горько, горько заплакала...

X.

ДОРОЖНАЯ БЕСѢДА.

Путники наши далеко были уже отъ деревни. Дорогой они толковали о случившемся у Митрія горѣ. Митрій сидѣлъ словно не живой. Лѣниво какъ-то онъ держалъ возжи. Видно было, что смерть Ванюши безъ крещенья еще болѣе усилила печаль его. Отецъ Василій, какъ умѣлъ, утѣшалъ его; но Митрій глухъ былъ къ словамъ священника. Онъ то и дѣло поглядывалъ на гробикъ, въ которомъ положенъ былъ желанный его Ванюша. Сивка бѣжалъ рысцой, и хоть не чувствовалъ возжей, но не сворачивалъ съ дороги. Эта дорога ему была уже слишкомъ знакома. Тоска Митріева разжалобила даже Ѳедотыча. Дьячекъ старался по своему разогнать грусть бѣднаго отца.

— Ладно, Иванычъ, говорилъ онъ Митрію. Будетъ, погрустилъ, да и довольно. Ты вѣдь не баба. Женское дѣло въ этихъ случаяхъ извѣстно тяжелое; а тебѣ-то что? Поживешь съ годикъ, другаго сына наживешь. У меня ребятъ, такъ хоть даромъ бери, отдамъ, право отдамъ. Куда ихъ? Только хлопоты. Полно же, братъ, кручиниться. На-ка, понюхай табачку, такъ авось пораспрявишься.

Митрій и табаку понюхалъ, а отродясь не нюхивалъ. Туга сердечная такъ его отуманила, что

онъ все готовъ былъ теперь сдѣлать. Ѳедотычъ сильно расчитывалъ на благотворное дѣйствіе своей бересченой тавлинки съ ремешкомъ.

— Что? Вѣдь славный табакъ? спросилъ онъ Митрія, когда тотъ отъ непривычки чихнулъ. Не-правда ли? Такъ слезу и прошибаетъ. Самъ, братъ, толку. Это не то, что питерской. Тамъ сказываютъ, будто и стеклышки толченныя подмѣшиваютъ для крѣпости, а у меня и такъ крѣпокъ. Мертваго ка-жись пройметъ. Нашему брату такой-то и нуженъ. Иной разъ съ устали-то и заснешь покрѣпче, вста-вать къ заутрени лѣнь, а какъ нюхнешь, такъ и сонъ куда. Изъ глазъ словно искры сыплются. Правду намъ толковали въ училищѣ: tabaca bona, tria fecit dona. Пусть тамъ дядя Панкратъ толкуетъ, что грѣхъ нюхать. Вретъ онъ. Старовѣрскихъ книгъ видно начитался, а вѣдь правду-то сказать, если и старовѣру растолкуешь, что *всякъ злакъ созданъ на пользу человѣка,* и что грѣшитъ не тотъ, кто нюхаетъ по нуждѣ, для глазъ, а тотъ, кто нюхаетъ безъ нужды, ради шалости одной, такъ и старовѣръ-то не станетъ осуждать. Нѣтъ, славная вещь табакъ. На-ка еще понюхай, Митрій. Слезой все выйдетъ.

Митрій и еще понюхалъ. Вѣдь онъ былъ теперь, что ребенокъ. Что хошь, то и дѣлай съ нимъ. Это пріободрило Ѳедотыча и онъ снова сталъ молоть, что на умъ взбредетъ. Болтовня его произвела то, чего не произвели утѣшенія о. Василія. Странно вѣдь это; а посмотришь на дѣлѣ и за-частую такъ бываетъ. Можетъ статься это оттого, что веселое расположеніе души скорѣе доходитъ до сердца, чѣмъ всякое намѣренное утѣшеніе. Слыхалъ я отъ

лекарей что-то на это похожее. Случается у нихъ, что иной больной не принимаетъ лекарства, когда прямо знаетъ, что это лекарство; а какъ подсластятъ лекарство, да дадутъ его просто въ видѣ сладкаго питья, такъ больной и выпьетъ, да глядишь и поправляется. Вѣрно такъ и съ больною душею бываетъ. Какъ знаетъ душа, что говорятъ ей для того, чтобъ ее утѣшить, такъ она и не принимаетъ утѣшенія и наставленія, а какъ подскажешь ей это наставленіе такъ, спроста, не замѣтно, такъ наставленіе-то и дойдетъ до сердца. Такъ ли это, или не такъ, а только веселая рѣчь Ѳедотыча нѣсколько разсѣяла Митрія. Онъ рѣшился наконецъ замолвить слово о томъ, что было у него на душѣ, да какъ-то доселѣ не сказывалось.

— А что, Степанъ Ѳедотычъ, гдѣ похоронить мнѣ Ванюшу-то? спросилъ Митрій. Сказывали мнѣ, что некрещеныхъ-то не хоронятъ на погостскомъ кладбищѣ.

— Кто тебѣ это сказывалъ, такъ видно самъ тотъ безъ креста. Нечто виноватъ твой Ванюша, что умеръ безъ крещенія? Ну опойца, утопившійся да удавившійся,—это другое дѣло. Такихъ, братъ, не похоронятъ на погостѣ. Изволь-ка въ лѣсъ, аль въ болото зарыть. Сами де себя отогнали отъ православныхъ покойниковъ. А младенецъ-то некрещеный вѣдь не то, что этакіе люди. Нѣтъ, Митрій. Ты объ этомъ не безпокойся; твоему Ванюшѣ будетъ мѣсто на кладбищѣ, тамъ знаешь у изгороды, что къ полю-то идетъ.

— Слава Тебѣ, Господи, что на кладбищѣ-то можно похоронить, сказалъ нѣсколько успокоенный

Митрій. А вѣдь у меня сердце-то и ныло больше отъ того, что нельзя на кладбищѣ зарыть.

О. Василій, со вниманіемъ слушавшій бесѣду спутниковъ, подтвердилъ слова Ѳедотыча. Митрій какъ будто ожилъ и крѣпче взялся за вожжи. Сивка прибавилъ бѣгу и путники наши скоро пріѣхали на погостъ. На другой день Митрій похоронилъ своего Ванюшу на погостскомъ кладбищѣ.

XI.

БОЛѢЗНЬ НАСТАСЬИ.

Митрій, какъ видѣли вы, поуспокоился. Не то было съ Настасьей. Какъ только унесли гробикъ, она стала горько плакать. Ей не для кого было теперь удерживаться. Ребенка не стало; Митя уѣхалъ; постороннихъ не было, кромѣ Савишны. Скорбь, которую Настасья копила въ душѣ своей при людяхъ, вырвалась теперь наружу. Слезы ручьемъ лились изъ глазъ бѣдной матери. Утѣшать ее было некому. Степанида давно уже повыплакалась и хоть утѣшала Настасью, но не долго. Странная была эта старуха. Кажись другая на ея мѣстѣ все бы подольше погрустила съ Настасьей; а она потолковала съ нею маленечько и опять за свое принялась. По заведенному въ деревняхъ порядку, она побѣжала топить баню для родильницы. Баня къ вечеру была уже готова. Суетливая Савишна, поставлявшая все свое дѣло въ соблюденіи деревенскихъ обычаевъ, безъ всякаго разсужденія, торопливо прибѣжала возвѣстить объ этомъ Настасьѣ, хоть той было вовсе не до бани.

— Не тужи. Настасьюшка, сказала она больной. Поплакала, погоревала. Пора теперь въ баню. Я ужъ истопила ее. Пораспарю.—легче станетъ тебѣ.

— Не знаю, Степанида Савишна, отвѣчала Настасья. ужъ идти ли мнѣ въ баню? Измаялась: пожалуй не дойду.

— Доведу. не бойся. твердила неотвязчивая старуха.

— Не хочется мнѣ теперь, Степанида Савишна. заговорила снова Настасья. Нельзя-ли завтра сходить?

— Нельзя. нельзя, Настасья. Такой ужъ обычай заведенъ. Надо безпремѣнно сегодня сходить. а завра своимъ чередомъ.

— Охъ, какъ-то я пойду! Косточки болятъ, ноженьки точно не свои. Нельзя-ль завтра. Степанида Савишна?

— Полно толковать, Настасья. Дай-ка я тя пріодѣну. Пойдемъ!

Жестокая старуха одѣла Настасью. Настасья ничему не противилась. Степанида закутала ее въ шубу и повела ее въ баню. Больная едва передвигала ноги. До бани было сажень съ пятнадцать отъ избы. не далеко кажись; а какъ дотащилась до нея Настасья, такъ еле духъ перевела. Ослабѣла она совсѣмъ и отъ боли-то тѣлесной, и отъ туги-то сердечной. Старуха и тутъ нашлась, что сдѣлать. Она налила въ чашку водки и поднесла Настасьи.

— Возьми-ка, хлѣбни маленечко этого, Настасьюшка. сказала она ей. Силы-то—поприбавится.

Настасья поднесла къ губамъ чашку. Запахъ сивухи смутилъ ее.

— Нѣтъ, не могу, Степанида Савишна, отвѣчала она. Противно какъ-то, съ души сорветъ. Съроду не бывало у меня во-рту водки.

— Сперва-то всегда мутитъ, а потомъ-то лучше станетъ. Пей.

Настасья хлѣбнула разъ,—Степанида заставила другой; хлѣбнула другой,—принудила третій. Больная разхмѣлѣла. Въ головѣ словно туманъ какой пошелъ и она ужъ не помнила, какъ Степанида выпарила ее на полкѣ, какъ потомъ вымыла, одѣла, въ избу свела и на кровать положила. Ночь-то всю Настасья пролежала въ забытьѣ.

— Ничего, толковала про себя Савишна. Проспится, такъ лучше станетъ.

Не тутъ-то было. На другой день Настасьѣ стало хуже. Ее бросало то въ ознобъ, то въ жаръ. Савишна было опять хотѣла въ баню тащить; но Настасья не могла уже и съ постели подняться.

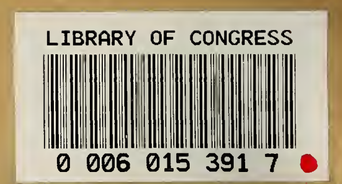
Она захворала страшною лихорадкою...

Этимъ я и покончу доколѣ разсказъ свой о Настасьѣ, православные люди. Дастъ Богъ всѣмъ намъ вѣку да здоровья, остальное послѣ доскажу, коли время будетъ; а теперь на прощаньи хочу побесѣдовать съ вами.

Видѣли вы, что вся бѣда съ Настасьей произошла отъ Степаниды. Степанида и ребенка Настасьина на тотъ свѣтъ безъ православнаго крещенья отпустила, да и саму Настасью на постель уложила. А все изъ-за чего? Изъ за того что своего дѣла не знала, какъ слѣдуетъ. Всякое занятіе

имѣетъ восю снаровку, и коли хочешь чѣмъ заниматься, такъ учись этому дѣлу. Въ бабничаньѣ тоже самое. Иная деревенская думаетъ, чтожъ мудренъ наго принимать ребятъ? Пуповину-то отрѣзать, да завязать, мудрости не надобно. Думаетъ такъ и пускается въ бабничанье. Иногда-то ей сходитъ все съ рукъ, а подъ-часъ такъ набѣдокуритъ, что и Боже упаси! Вотъ вамъ въ примѣръ, Савишна. Легкой рукой еще славилась, а сколько бѣдъ надѣлала. А все отъ своего неразумія. Безъ толку,— нитку не вдѣнешь въ иголку, — а съ ребенкомъ и подавно не справишься. Все знанія требуетъ, къ чему-что годится. Ну судите сами, не съ-ума ли сошла Степанида, что бѣдную Настасью въ баню стащила и водкой напоила? Та бѣдная—больна, покоя хочетъ, а Степанида ее на холодъ тащитъ и въ баню ведетъ. Слыхалъ я, что и всѣхъ рожаницъ въ деревняхъ тоже въ баню водятъ до трехъ сутокъ, что это будто ничего, здорово; а какъ поспросилъ у лекарей, такъ они мнѣ сказывали, что отъ этого зачастую умираютъ. И какъ не умереть! Про водку-то, что рожаницамъ даютъ деревенскія бабы, и толковать нечего. Водка сущій ядъ послѣ родовъ. Такъ-то вотъ все у васъ дѣлается по невѣдѣнію, православные люди; а что бы за разумъ взяться, да за науку приняться? Что бы, напримѣръ, поучиться деревенскимъ бабкамъ тамъ, гдѣ бабничанью учатъ? Вѣдь хорошая бабка не одну чужую душу спасетъ; а за чужое спасенье и свое пріобрѣтетъ. Отчего же наши деревенскія-то не учатся бабничанью? Знаю, что вы отвѣтите. Отвѣтите вы, что негдѣ учиться, аль не знаете гдѣ: такъ я вамъ

скажу, что въ Питерѣ можно научиться. Тутъ и заведеніе такое есть, гдѣ учатъ, какъ бабкою быть. А далеко до Питера, такъ въ губернію иди, сказываютъ, что и въ уѣздахъ можно будетъ научиться этому. Дай-то Богъ!

LIBRARY OF CONGRESS
0 006 015 391 7